

САША ЧЁРНЫЙ

ХОЧУ

ОТДОХНУТЬ

ОТ САТИРЫ...

Саша Чёрный
Хочу отдохнуть от сатиры...
Серия «Стихи о любви (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25756619
Хочу отдохнуть от сатиры... / Саша Чёрный: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-105266-9

Аннотация

Саша Чёрный редко ставится в один ряд с главными русскими поэтами начала XX века. Некоторые знают его как сказочника и «детского поэта», кому-то, напротив, он представляется жестким и злым сатириком. В действительности в его поэзии звучит по-чеховски горькая нежность к человеку и себе, которой многим из нас так часто не хватает. Изысканный и грубый, лиричный и сатиричный, одновременно простой и непростой Саша Чёрный даже спустя сотню лет звучит свежо, остроумно и ярко.

Содержание

Из цикла «Всем нищим духом»	6
Ламентации	6
Пробуждение весны	9
Крейцера соната	11
«...Все в штанах, скроённых одинаково...»	13
Споры	16
Интеллигент	18
Простые слова	20
Утешение	22
Два желания	24
Из цикла «Быт»	25
Городская сказка	25
На вербе	28
Из цикла «Литературный цех»	30
«...Жестокий бог литературы!...»	30
Недоразумение	32
Сиропчик	34
Из цикла «Невольная дань»	35
Там внутри	35
Молитва	38
Из цикла «Лирические сатиры»	40
Под сурдинку	40
У моря	42

Экзамен	44
Из цикла «Бурьян»	46
Комнатная весна	46
Северные сумерки	49
Несправедливость	51
Настроение	53
Больному	56
Из цикла «Горький мёд»	59
«...Любовь должна быть счастливой...»	59
Амур и Психея	60
Наконец!	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Саша Черный
Хочу отдохнуть
от сатиры...

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Из цикла «Всем нищим духом»

Ламентации

Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать.
Пересматривать эстампы
И по клавишам бренчать, —
Щекоча мозги и чувство
Обаяньем красоты,
Лить душистый мед искусства
В бездну русской пустоты...
В книгах жизнь широким пиром
Тешит всех своих гостей,
Окружая их гарниром
Из страданий и страстей:
Смех, борьба и перемены,
С мясом вырван каждый клочок!
А у нас... углы да стены
И над ними потолок.
Но подчас, не веря мифам,
Так событий личных ждешь!
Заболеть бы что ли тифом,
Учинить бы, что ль, дебош?
В книгах гений Соловьевых,

Гейне, Гете и Золя,
А вокруг от Ивановых
Содрогается земля.
На полотнах Магдалины,
Сонм Мадонн, Венер и Фрин,
А вокруг кривые спины
Мутноглазых Акулин.
Где события нашей жизни,
Кроме насморка и блох?
Мы давно живем, как слизи,
В нищете случайных крох.
Спим и хнычем. В виде спорта,
Не волнуясь, не любя,
Ищем бога, ищем черта,
Потеряв самих себя.
И с утра до поздней ночи
Все, от крошек до старух,
Углубив в страницы очи,
Небывалым дразнят дух.
В звуках музыки – страданье,
Боль любви и шепот грез,
А вокруг одно мычанье,
Стоны, храп и посвист лоз.
Отчего? Молчи идохни.
Рок – хозяин, ты – лишь раб.
Плюнь, ослепни и оглохни,
И ворочайся, как краб!
... Хорошо при свете лампы
Книжки милые милые читать,

Перелистывать эстампы
И по клавишам бренчать.

1909

Пробуждение весны

Вчера мой кот взглянул на календарь
И хвост трубою поднял моментально,
Потом подрал на лестницу как встарь,
И завопил тепло и вакханально:
«Весенний брак, гражданский брак
Спешите, кошки, на чердак!»

И кактус мой – о, чудо из чудес!
Залитый чаем и кофейной гущей,
Как новый Лазарь, взял да и воскрес
И с каждым днём прёт из земли всё пуще.
Зелёный шум... Я поражён,
«Как много дум наводит он!»
Уже с панелей слипшуюся грязь,
Ругаясь, скалывают дворники лихие,
Уже ко мне зашёл сегодня «князь»,
Взял тёплый шарф и лыжи беговые...

«Весна, весна! – пою, как бард,
Несите зимний хлам в ломбард».
Сияет солнышко. Ей-богу, ничего!
Весенняя лазурь спугнула дым и копоть.
Мороз уже не щиплет никого,
Но многим нечего, как и зимою, лопать...
Деревья ждут... Гниёт вода,

И пьяных больше, чем всегда.
Создатель мой! Спасибо за весну!
Я думал, что она не возвратится,
Но... дай сбежать в лесную тишину
От злобы дня, холеры и столицы!
Весенний ветер за дверьми...
В кого б влюбиться, чёрт возьми?

1909

Крейцерова соната

Квартирант сидит на чемодане
И задумчиво рассматривает пол:
Те же стулья, и кровать, и стол,
И такая же обивка на диване,
И такой же «бигус» на обед, —
Но на всём какой-то новый свет.

Блещут икры полной прачки Фёклы.
Перегнулся сильный стан во двор.
Как нестройный, шаловливый хор,
Верещат намыленные стёкла,
И заплаты голубых небес
Обещают тысячи чудес.

Квартирант сидит на чемодане.
Груды книжек покрывают пол.
Злые стекла свищут: эй, осёл!
Квартирант копается в кармане,
Вынимает стёртый четвертак,
Ключ, сургуч, копейку и пятак...

За окном стена в сырых узорах,
Сотни ржавых труб вонзились в высоту,
А в Крыму миндаль уже в цвету...
Вешний ветер закрутился в шторах

И не может выбраться никак.
Квартирант пропьёт свой четвертак!

Так пропьёт, что небу станет жарко.
Стёкла вымыты. Опять тоска и тишь.
Фёкла, Фёкла, что же ты молчишь?
Будь хоть ты решительной и яркой:
Подойди, возьми его за чуб
И ожги огнём весенних губ...

Квартирант и Фёкла на диване.
О, какой торжественный момент!
«Ты – народ, а я – интеллигент, —
Говорит он ей среди лобзаний, —
Наконец-то, здесь, сейчас, вдвоём,
Я тебя, а ты меня – поймём...»

1909

«...Все в штанах, скроённых одинаково...»

Это не было сходство, допустимое даже в лесу, – это было тождество, это было безумное превращение одного в двоих.

Л. Андреев. «Проклятие зверя»

Все в штанах, скроённых одинаково,
При усах, в пальто и в котелках.
Я похож на улице на всякого
И совсем теряюсь на углах...

Как бы мне не обменяться личностью:
Он войдет в меня, а я в него, —
Я охвачен полной безразличностью
И боюсь решительно всего...

Проклинаю культуру! Срываю подтяжки!
Растопчу котелок! Растерзаю пиджак!!
Я завидую каждой отдельной букашке,
Я живу, как последний дурак...

В лес! К озёрам и девственным елям!
Буду лазить, как рысь, по шершавым стволам.
Надоело ходить по шаблонным панелям

И смотреть на подкрашенных дам!

Принесёт мне ворона швейцарского сыра,
У заблудшей козы надою молока.
Если к вечеру станет прохладно и сыро,
Обложу себе мохом бока.

Там не будет газетных статей и отчётов.
Можно лечь под сосной и немножко повыть.
Иль украсть из дупла вкусно пахнущих сотов,
Или землю от скуки порыть...

А настанет зима – упираться не стану:
Буду голоден, сир, малокровен и гол —
И пойду к лейтенанту, к приятелю Глану:
У него даровая квартира и стол.

И скажу: «Лейтенант! Я – российский писатель,
Я без паспорта в лес из столицы ушёл,
Я устал, как собака, и – веришь, приятель —
Как семьсот аллигаторов зол!

Люди в городе гибнут, как жалкие слизи,
Я хотел свою старую шкуру спасти.
Лейтенант! Я бежал от бессмысленной жизни
И к тебе захожу по пути...»

Мудрый Глан ничего мне на это не скажет,
Принесёт мне дичины, вина, творогу...

Только пусть меня Глан основательно свяжет,
А иначе – я в город сбегу.

1907 или 1908

Споры

Каждый прав и каждый виноват.
Все полны обидным снисхождением
И, мешая истину с глумленьем,
До конца обидеться спешат.

Эти споры – споры без исхода,
С правдой, с тьмой, с людьми, с самим собой,
Изнуряют тщетною борьбой
И пугают нищенством прихода.

По домам бессильно разбредаясь,
Мы нашли ли собственный ответ?
Что ж слепые наши «да» и «нет»
Разбрелись, убого спотыкаясь?

Или мысли наши – жернова?
Или спор – особое искусство,
Чтоб, калеча мысль и теша чувство,
Без конца низать случайные слова?

Если б были мы немного проще,
Если б мы учились понимать,
Мы могли бы в жизни не блуждать,
Словно дети в незнакомой роще.

Вновь забытый образ вырастает:
Притаилась Истина в углу,
И с тоской глядит в пустую мглу,
И лицо руками закрывает...

1908

Интеллигент

Повернувшись спиной к обманувшей надежде
И беспомощно свесив усталый язык,
Не раздевшись, он спит в европейской одежде
И храпит, как больной паровик.

Истомила Идея бесплодием интрижек,
По углам паутина ленивой тоски,
На полу вороха неразрезанных книжек
И разбитых скрижалей куски.

За окном непогода лютует и злится...
Стены прочны, и мягок пружинный диван.
Под осеннюю бурю так сладостно спится
Всем, кто бледной усталостью пьян.

Дорогой мой, шепни мне сквозь сон по секрету,
Отчего ты так страшно и тупо устал?
За несбыточным счастьем гонялся по свету,
Или, может быть, землю пахал?

Дрогнул рот, разомкнулись тяжелые вежды,
Монотонные звуки уныло текут:
«Брат! Одну за другой хоронил я надежды,
Брат! От этого больше всего устают.

Были яркие речи и смелые жесты
И неполных желаний шальной хоровод.
Я жених непришедшей прекрасной невесты,
Я больной, утомленный урод».

Смолк. А буря все громче стучалась в окошко,
Билась мысль, разгораясь и снова таясь.
И сказал я, краснея, тоскуя и злясь:
«Брат! Подвинься немножко».

1908

Простые слова (Памяти Чехова)

В наши дни трёхмесячных успехов
И развязных гениев пера
Ты один, тревожно-мудрый Чехов,
С каждым днём нам ближе, чем вчера.

Сам не веришь, но зовёшь и будишь,
Разрываешь ямы до конца
И с беспомощной усмешкой тихо судишь
Оскорбивших землю и Отца.

Вот ты жил меж нами, нежный, ясный,
Бесконечно ясный и простой, —
Видел мир наш хмурый и несчастный,
Отравлялся нашей наготой...

И ушёл! Но нам больней и хуже:
Много книг, о, слишком много книг!
С каждым днём проклятый круг всё уже
И не сбросить «чеховских» вериг...

Ты хоть мог, вскрывая торопливо
Гнойники, – смеяться, плакать, мстить.
Но теперь всё вскрыто. Как тоскливо

Видеть, знать, не ждать и молча гнить!

1910

Утешение

Жизнь бесцветна? Надо, друг мой,
Быть упорным и искать:
Раза два в году ты можешь,
Как король, торжествовать...

Если где-нибудь случайно, —
В маскараде иль в гостях,
На площадке ли вагона,
Иль на палубных досках,
Ты столкнёшься с человеком
Благородным и простым,
До конца во всём свободным,
Сильным, умным и живым,
Накупи бенгальских спичек,
Закажи оркестру туш,
Маслом розовым намажься
И прими ликёрный душ!
Десять дней ходи во фраке,
Нищим сто рублей раздай,
Смейся в горьком умиленьи
И от радости рыдай...
Раза два в году – не шутка,
А при счастье – три и пять.
Надо только, друг мой бедный,
Быть упорным и искать.

Два желания

1

Жить на вершине голой,
Писать простые сонеты...
И брать от людей из дола
Хлеб вино и котлеты.

2

Сжечь корабли и впереди, и сзади,
Лечь на кровать, не глядя ни на что,
Уснуть без снов и, любопытства ради,
Проснуться лет чрез сто.

⟨1909⟩

Из цикла «Быт»

Городская сказка

Профиль тоньше камеи,
Глаза как спелые сливы,
Шея белее лилеи
И стан как у леди Годивы.

Деву с душою бездонной,
Как первая скрипка оркестра,
Недаром прозвали мадонной
Медички шестого семестра.

Пришел к мадонне филолог,
Фаддей Симеонович Смяткин.
Рассказ мой будет недолог:
Филолог влюбился по пятки.

Влюбился жестоко и сразу
В глаза ее, губы и уши,
Цедил за фразою фразу,
Томился, как рыба на суше.

Хотелось быть ее чашкой,

Братом ее или теткой,
Ее эмалевой пряжкой
И даже зубной ее щеткой!..

«Устали, Варвара Петровна?
О, как дрожат ваши ручки!» —
Шепнул филолог любовно,
А в сердце вонзились колючки.

«Устала. Вскрывала студента:
Труп был жирный и дряблый.
Холод... Сталь инструмента.
Руки, конечно, иззябли.

Потом у Калинкина моста
Смотрела своих венеричек.
Устала: их было до ста.
Что с вами? Вы ищете спичек?

Спички лежат на окошке.
Ну, вот. Вернулась обратно,
Вынула почки у кошки
И зашила ее аккуратно.

Затем мне с подругой достались
Препараты гнилой пуповины.
Потом... был скучный анализ:
Выделение в моче мочевины...

Ах, я! Прошу извиненья:
Я роль хозяйки забыла —
Коллега! Возьмите варенья, —
Сама сегодня варила».

Фаддей Симеонович Смяткин
Сказал беззвучно: «Спасибо!»
А в горле ком кисло-сладкий
Бился, как в неводе рыба.

Не хотелось быть ее чашкой,
Ни братом ее и ни теткой,
Ни ее эмалевой пряжкой,
Ни зубной ее щеткой!

1909

На вербе

Солнце брызжет, солнце греет.
Небо – василек.
Сквозь березки тихо веет
Теплый ветерок.

А внизу все будки, будки
И людей – что мух.
Каждый всунул в рот по дудке —
Дуй во весь свой дух!

В будках куклы и баранки,
Чижики, цветы...
Золотые рыбки в банке
Раскрывают рты.

Все звончее над шатрами
Вьется писк и гам.
Дети с пестрыми шарами
Тянутся к ларькам.

«Верба! верба!» в каждой лапке
Бархатный пучок.
Дед распродал все охапки —
Ловкий старичок!

Шерстяные обезьянки
Пляшут на щитках.
«Ме-ри-кан-ский житель в склянке
Ходит на руках!»

Пудель, страшно удивленный,
Тявкает на всех.
В небо шар взлетел зеленый,
А вдогонку – смех!

Вот она какая верба!
А у входа в ряд —
На прилавочке у серба
Вафельки лежат.

1912

Из цикла «Литературный цех»

«...Жестокий бог литературы!..»

Жестокий бог литературы!
Давно тебе я не служил:
Ленился, думал, спал и жил, —
Забыл журнальные фигуры,
Интриг и купли кислый ил,
Молчанья боль, и трепет шкуры,
И терпкий аромат чернил...

Но странно, верная мечта
Не отцвела – живет и рдеет.
Не изменяет красота —
Всё громче шепчет и смелеет.
Недостижимое светлеет,
И вновь пленяет высота...

Опять идти к ларям впотьмах,
Где зазыванье, пыль и давка,
Где все слепые у прилавка
Убого спорят о цветах?...
Где царь-апломб решает ставки,
Где мода – властный падишах...

Собрав с мечты душистый мед,
Беспечный, как мечтатель-инок,
Придешь сконфуженно на рынок —
Орут ослы, шумит народ,
В ларях пестрят возы новинок, —
Вступать ли в жалкий поединок
Иль унести домой свой сот?...

1912

Недоразумение

Она была поэтесса,
Поэтесса бальзаковских лет.
А он был просто повеса,
Курчавый и пылкий брюнет.
Повеса пришел к поэтессе.
В полумраке дышали духи,
На софе, как в торжественной мессе,
Поэтесса гнусила стихи:
«О, сумей огнедышащей лаской
Всколыхнуть мою сонную страсть.
К пене бедер, за алой подвязкой
Ты не бойся устами припасть!
Я свежа, как дыханье левкоя,
О, сплетем же истомности тел!...»
Продолжение было такое,
Что курчавый брюнет покраснел.
Покраснел, но оправился быстро
И подумал: была не была!
Здесь не думские речи министра,
Не слова здесь нужны, а дела...
С несдержанной силой кентавра
Поэтессу повеса привлек,
Но визгливо-вульгарное: «Мавра!»
Охладило кипучий поток.
«Простите... – вскочил он, – вы сами...»

Но в глазах ее холод и честь:
«Вы смели к порядочной даме,
Как дворник, с объятьями лезть?!»
Вот чинная Мавра. И задом
Уходит испуганный гость.
В передней растерянным взглядом
Он долго искал свою трость...
С лицом белее магнезии
Шел с лестницы пылкий брюнет:
Не понял он новой поэзии
Поэтессы бальзаковских лет.

1909

Сиропчик

(Посвящается «детским» поэтессам)

Дама, качаясь на ветке,
Пикала: «Милые детки!
Солнышко чмокнуло кустик,
Птичка оправила бюстик
И, обнимая ромашку,
Кушает манную кашку...»

Дети, в оконные рамы
Хмуро уставясь глазами,
Полны недетской печали,
Даме в молчаньи внимали.
Вдруг зазвенел голосочек:
«Сколько напикала строчек?»

1910

Из цикла «Невольная дань»

Там внутри

У меня серьезный папа —
Толстый, важный и седой;
У него с кокардой шляпа,
А в сенях городской.

Целый день он пишет, пишет —
Даже кляксы на груди,
Подойдешь, а он не слышит,
Или скажет: «Уходи».

Ухожу... У папы дело,
Как у всех других мужчин.
Только как мне надоело:
Все один, да все один!

Но сегодня утром рано
Он куда-то заспешил
И на коврик из кармана
Ключ в передней обронил.

Наконец-то... Вот так штука.

Я обрадовался страсть.
Кабинет открыл без звука
И, как мышка, в двери – шась!

На столе четыре папки,
Все на месте. Все – точь-в-точь.
Ну-с, пороемся у папки —
Что он пишет день и ночь?

«О совместном обученье,
Как вреднейшей из затей».
«Краткий список книг для чтенья
Для кухаркиных детей».

«В Думе выступить с законом:
Чтобы школ не заражать,
Запретить еврейским женам
Девяносто лет рожать».

«Об издании журнала
„Министерский детский сад“.
„О любви ребенка к баллам“.
„О значении наград“.

„Черновик проекта школы
Государственных детей“.
„Возбуждение крамолой
Малолетних на властей“.

„Дух законности у немцев
В младших классах корпусов“.
„Поощрение младенцев,
Доносящих на отцов“».

Фу, устал. В четвертой папке
«Апология плетей».
Вот так штука... Значит, папка
Любит маленьких детей?

1909

Молитва

Благодарю Тебя, Создатель,
Что я в житейской кутерьме
Не депутат и не издатель
И не сижу еще в тюрьме.

Благодарю Тебя, могучий,
Что мне не вырвали язык,
Что я, как нищий, верю в случай
И к всякой мерзости привык.

Благодарю Тебя, Единый,
Что в Третью Думу я не взят, —
От всей души, с блаженной миной,
Благодарю Тебя стократ.

Благодарю Тебя, мой Боже,
Что смертный час, гроза глупцов,
Из разлагающейся кожи
Исторгнет дух в конце концов.

И вот тогда, молю беззвучно,
Дай мне исчезнуть в черной мгле —
В раю мне будет очень скучно,
А ад я видел на земле.

Из цикла «Лирические сатиры»

Под сурдинку

Хочу отдохнуть от сатиры...
У лиры моей
Есть тихо-дрожащие, легкие звуки.
Усталые руки
На умные струны кладу,
Пою и в такт головою киваю...
Хочу быть незлобным ягненком,
Ребенком,
Которого взрослые люди дразнили и злили, —
А жизнь за чьи-то чужие грехи
Лишила третьего блюда.
Васильевский остров прекрасен,
Как жаба в манжетах.
Отсюда, с балконца,
Омытый потоками солнца,
Он весел, и грязен, и ясен,
Как старый маркер.
Над ним углубленная просинь
Зовет, и поет, и дрожит...
Задумчиво осень,
Последние листья желтит.

Срывает
Бросает под ноги людей на панель —
А в сердце не молкнет Свирель:
Весна опять возвратится!

О зимняя спячка медведя,
Сосущего пальчики лап!
Твой девственный храп
Желанней лобзаний прекраснейшей леди.
Как молью, изъеден я сплином...
Посыпьте меня нафталином.
Сложите в сундук и поставьте меня на чердак,
Пока не наступит весна.

1909

У моря

Облаков жемчужный поясок
Полукругом вьется над заливом.
На горячий палевый песок
Мы легли в томлении ленивом.

Голый доктор, толстый и большой,
Подставляет солнцу бок и спину.
Принимаю вспыхнувшей душой
Даже эту дикую картину.

Мы наги, как дети-дикари,
Дикари, но в самом лучшем смысле.
Подымайся, солнце, и гори,
Растопляй кочующие мысли!

По морскому хрену, возле глаз,
Лезет желтенькая божия коровка.
Наблюдаю трудный перелаз
И невольно восхищаюсь: ловко!

В небе тают белые клочки.
Покраснела грудь от ласки солнца.
Голый доктор смотрит сквозь очки.
И в очках смеются два червонца.

– Доктор, друг! А не забросить нам
И белье, и платье в сине море?
Будем спины подставлять лучам
И дремать, как галки на заборе...

Доктор, друг... мне кажется, что я
Никогда не нашивал одежды!
Но коварный доктор – о змея —
Разбивает все мои надежды:

– Фантазер! Уже в закатный час
Будет холодно, и ветрено, и сыро.
И при том фигуришки у нас:
Вы – комар, а я – бочонок жира.

Но всего важнее, мой поэт,
Что меня и вас посадят в каталажку.
Я кивнул задумчиво в ответ
И пошел напяливать рубашку.

1909

Экзамен

Из всех билетов вызубрив четыре,
Со скомканной программой в руке,
Неся в душе раскаяния гири,
Я мрачно шел с учебником к реке.

Там у реки блондинка гимназистка
Мои билеты выслушать должна.
Ах, провалюсь! Ах, будет злая чистка!
Но ведь отчасти и ее вина...

Зачем о ней я должен думать вечно?
Зачем она близка мне каждый миг?
Ведь это, наконец, бесчеловечно!
Конечно, мне не до проклятых книг.

Ей хорошо: по всем – двенадцать баллов,
А у меня лишь по закону пять.
Ах, только гимназистки без скандалов
Любовь с наукой могут совмещать!

Пришел. Навстречу грозный голос Любы:
«Когда Лойола орден основал?»
А я в ответ ее жестоко в губы,
Жестоко в губы вдруг поцеловал.

«Не сметь! Нахал! Что сделал для науки
Декарт, Бэкон, Паскаль и Галилей?»
А я в ответ ее смешные руки
Расцеловал от пальцев до локтей.

«Кого освободил Пипин Короткий?
Ну, что ж? Молчишь! Не знаешь ни аза?»
А я в ответ почтительно и кротко
Поцеловал лучистые глаза.

Так два часа экзамен продолжался.
Я получил ужаснейший разнос!
Но, расставаясь с ней, не удержался
И вновь поцеловал ее взасос.

...

Я на экзамене дрожал, как в лихорадке,
И вытащил... второй билет! Спасен!
Как я рубил! Спокойно, четко, гладко...
Иван Кузьмич был страшно поражен.

Бегом с истории, ликующий и чванный,
Летел мою любовь благодарить...
В душе горел восторг благоуханный.
Могу ли я экзамены хулить?

Из цикла «Бурьян»

Комнатная весна

Проснулся лук за кухонным окном
И выбросил султан зелено-блеклый.
Замученные мутным зимним сном,
Тускнели ласковые солнечные стекла.

По комнатам проснувшаяся моль
Зигзагами носилась одурело
И вдруг – поняв назначенную роль —
Помчалась за другой легко и смело.

Из-за мурильевской Мадонны на стене
Прозрачные клопенки выползали,
Невинно радовались комнатной весне,
Дышали воздухом и лапки расправляли.

Оконный градусник давно не на нуле —
Уже неделю солнце бьет в окошки!
В вазончике по треснувшей земле
Проворно ползали зелененькие вошки.

Гнилая сырость вывела в углу

Сухую изумрудненькую плесень,
А зайчики играли на полу
И требовали глупостей и песен...

У хламной этажерки на ковре
Сидело чучело в манжетах и свистало,
Прислушивалось к гаму на дворе
И пыльные бумажки разбирало.

Пять воробьев, цепляясь за карниз,
Сквозь стекла в комнату испуганно вонзилось:
«Скорей! Скорей! Смотрите, вот сюрприз —
Оно не чучело, оно зашевелилось!»

В корзинку для бумаг «ее» портрет
Давно был брошен, порванный жестоко...
Чудак собрал и склеил свой предмет,
Недоставало только глаз и бока.

Любовно и восторженно взглянул
На чистые черты сбежавшей дамы,
Взял лобзик, сел верхом на хлипкий стул —
И в комнате раздался визг упрямый.

Выпиливая рамку для «нея»,
Свистало чучело и тихо улыбалось...
Напротив пела юная швея,
И солнце в стекла бешено врывалось!

1910

Северные сумерки

В небе полосы дешевых чернил
Со снятым молоком вперемежку,
Пес завалился в пустую тележку
И спит. Дай, Господи, сил!

Черви на темных березах висят
И колышат устало хвостами.
Мошки и тени дрожат над кустами.
Как живописен вечерний мой сад!

Серым верблюдом стала изба.
Стекла, как очи тифозного сфинкса.
С видом с Марса упавшего принца
Пот неприятия злобно стираю со лба...

Кто-то порывисто дышит в сарайную щель.
Больная корова, а может быть, леший?
Лужи блестят, как старцев-покойников плечи.
Апрель? Неужели же это апрель?!

Вкруг огорода пьяный, беззубый забор.
Там, где закат, узкая ниточка желчи.
Страх все растет, гигантский, дикий и волчий...
В темной душе запутанный темный узор.

Умерли люди, скворцы и скоты.
Воскреснут ли утром для криков и жвачки?
Хочется стать у крыльца на карачки
И завывать в глухонемые кусты...

Разбудишь деревню, молчи! Прибегут
С соломою в патлах из изб печенег,
Спросонья воткнут в тебя вилы с разбега
И триста раз повернут...

Черным верблюдом стала изба.
А в комнате пусто, а в комнате гулко.
Но лампа разбудит все закоулки,
И легче станет борьба.

Газетной бумагой закрою пропасть окна.
Не буду смотреть на грязь небосвода!
Извините меня, дорогая природа, —
Сварю яиц, заварю толокна.

1910, Заозерье

Несправедливость

Адам молчал, сурово, зло и гордо,
Спеша из рая, бледный, как стена.
Передник кожаный зажав в руке нетвердой,
По-детски плакала дрожащая жена...

За ними шло волнующейся лентой
Бесчисленное пестрое зверье:
Резвились юные, не чувствуя момента,
И нехотя плелось угрюмое старье.
Дородный бык мычал в недоуменье:
«Ярмо... Труд в поте морды... О, Эдем!
Я яблок ведь не ел от сотворенья,
И глупых фруктов я вообще не ем...»
Толстяк баран дрожал, тихонько бляя:
«Пойдет мой род на жертвы и в очаг!
А мы щипали мох на триста верст от змея
И сладкой кротостью дышал наш каждый шаг...»
Ржал вольный конь, страшась неволи выючной,
Тоскливо мекала смиренная коза,
Рыдали раки горько и беззвучно,
И зайцы терли лапами глаза.
Но громче всех в тоске визжала кошка:
«За что должна я в муках чад рожать?!»
А крот вздыхал: «Ты маленькая сошка,
Твое ли дело, друг мой, рассуждать...»

Лишь обезьяны весело кричали, —
Почти все яблоки пожрав уже в раю, —
Бродяги верили, что будут без печали
Они их рвать – теперь в ином краю.
И хищники отчасти были рады:
Трава в раю была не по зубам!
Пусть впереди облавы и засады,
Но кровь и мясо, кровь и мясо там!..

Адам молчал, сурово, зло и гордо,
По-детски плакала дрожащая жена.
Зверье тревожно подымало морды.
Лил серый дождь, и даль была черна...

1910

Настроение

«Sing, Seele, sing...»

*Dehmel*¹

Ли-ли! В ушах поют весь день
Восторженные скрипки.
Веселый бес большую лень
Укачивает в зыбке.

Подняв уютный воротник
И буйный сдерживая крик,
По улицам шатаюсь
И дерзко ухмыляюсь.

Ли-ли! Мне скучно взрослым быть
Всю жизнь – до самой смерти.
И что-то нудное пилить
В общественном концерте.

Удрал куда-то дирижер,
Оркестр несет нестройный вздор —
Я ноты взял под мышку
И покидаю вышку...

¹ «Пой, душа, пой». Демель (нем.).

Ли-ли! Пусть жизнь черна, как кокс,
Но смерть еще чернее!
Трепещет радость-парадокс,
Как губы Гименя...

Задорный бес толкает в бок:
Зайди в игрушечный ларек,
Купи себе пастушку,
Свистульку, дом и пушку...

Ли-ли! Фонарь!.. Имею честь —
Пройдись со мной в кадрили...
Увы! Фитиль и лампы есть,
А масло утащили.

Что делать с радостью моей
Среди кладбищенских огней?...
Как месть, она воскресла
И бьет, ликуя, в чресла!

Ли-ли! Вот рыженький студент
С серьезным выраженьем;
Позвольте, будущий доцент,
Позвать вас на рожденье!

Мы будем басом петь «Кармен»,
Есть мед, изюм и суп-жульен,
Пьянясь холодным пивом
В неведенье счастливом...

Ли-ли! Боишься? Черт с тобой,
Проклятый рыжий штопор!
Растет несдержанный прибой,
Хохочет радость в рупор:

Ха-ха! Как скучно взрослым быть,
По скучным улицам бродить,
Смотреть на скучных братьев,
И скуке мстить проклятьем!

1910

Больному

Есть горячее солнце, наивные дети,
Драгоценная радость мелодий и книг.
Если нет – то ведь были, ведь были на свете
И Бетховен, и Пушкин, и Гейне, и Григ...

Есть незримое творчество в каждом мгновенье —
В умном слове, в улыбке, в сиянии глаз.
Будь творцом! Созидай золотые мгновенья.
В каждом дне есть раздумье и пряный экстаз...

Бесконечно позорно в припадке печали
Добровольно исчезнуть, как тень на стекле.
Разве Новые Встречи уже отсияли?
Разве только собаки живут на земле?

Если сам я угрюм, как голландская сажа
(Улыбнись, улыбнись на сравненье мое!), —
Это черный румянец – налет от дренажа,
Это Муза меня подняла на копые.

Подожди! Я сживусь со своим новосельем —
Как весенний скворец запою на копые!
Оглушу твои уши цыганским весельем!
Дай лишь срок разобраться в проклятом тряпье.

Оставайся! Так мало здесь чутких и честных...
Оставайся! Лишь в них оправданье земли.
Адресов я не знаю – ищи неизвестных,
Как и ты, неподвижно лежащих в пыли.

Если лучшие будут бросаться в пролеты,
Скиснет мир от бескрылых гиен и тупиц!
Полюби безотчетную радость полета...
Разверни свою душу до полных границ.

Будь женой или мужем, сестрой или братом,
Акушеркой, художником, нянькой, врачом,
Отдавай – и, дрожа, не тянись за возвратом.
Все сердца открываются этим ключом.

Есть еще острова одиночества мысли.
Будь умен и не бойся на них отдыхать.
Там обрывы над темной водою нависли —
Можешь думать... и камешки в воду бросать...

А вопросы... Вопросы не знают ответа —
Налетят, разожгут и умчатся, как корь.
Соломон нам оставил два мудрых совета:
Убегай от тоски и с глупцами не спорь.

Если сам я угрюм, как голландская сажа
(Улыбнись, улыбнись на сравнение мое!), —
Это черный румянец – налет от дренажа,
Это Муза меня подняла на копые.

1910

Из цикла «Горький мёд»

«...Любовь должна быть счастливой...»

Любовь должна быть счастливой —

Это право любви.

Любовь должна быть красивой —

Это мудрость любви.

Где ты видел такую любовь?

У господ писарей генерального штаба?

На эстраде, – где бритый тенор,

Прижимая к манишке перчатку,

Взбивает сладкие сливки

Из любви, соловья и луны?

В лирических строчках поэтов,

Где любовь рифмуется с кровью

И почти всегда голодна?...

К ногам Прекрасной Любви

Кладу этот жалкий венок из полыни,

Которая сорвана мной в ее опустелых садах...

Амур и Психея

Пришла блондинка-девушка в военный лазарет,
Спросила у привратника: «Где здесь Петров, корнет?»»

Взбежал солдат по лестнице, оправивши шинель:
«Их благородье требует какая-то мамзель».

Корнет уводит девушку в пустынный коридор,
Не видя глаз, на грудь ее устался в упор.

Краснея, гладит девушка смешной его халат.
Зловонье, гам и шарканье несется из палат.

«Прошел ли скверный кашель твой? Гуляешь или нет?
Я, видишь, принесла тебе малиновый шербет...»

«Merci. Пустяк, покашляю недельки три еще».
И больно щиплет девушку за нежное плечо.

Невольно отодвинулась и, словно в первый раз,
Глядит до боли ласково в зрачки красивых глаз.

Корнет свистит и сердится. И скучно и смешно!
По коридору шляются – и не совсем темно...

Сказал блондинке-девушке, что ужинать пора,

И проводил смущенную в молчанье до двора...

В палате венерической бушует зычный смех,
Корнет с шербетом носится и оделяет всех.

Друзья по койкам хлопают корнета по плечу,
Смеясь, грозят, что завтра же расскажут все врачу.

Растут предположения, растет басистый вой,
И гордо в подтверждение кивнул он головой...

Идет блондинка-девушка вдоль лазаретных ив,
Из глаз лучится преданность, и вера, и порыв.

Несет блондинка-девушка в свой дом свой первый сон:
В груди зарю желания, в ушах победный звон.

1910

Наконец!

В городской суматохе
Встретились двое.
Надоели обои,
Неуклюжие споры с собою,
И бесплодные вздохи
О том, что случилось когда-то...

В час заката,
Весной, в зеленеющем сквере,
Как безгрешные звери,
Забыв осторожность, тоску и потери,
Потянулись друг к другу легко, безотчетно и чисто.
Не речисты
Были их встречи и кротки.
Целомудренно-чутко молчали,
Не веря и веря находке,
Смотрели друг другу в глаза,
Друг на друга надели растоптанный старый венец
И, не веря и веря, шептали:
«Наконец!»

Две недели тянулся роман.
Конечно, они целовались.
Конечно, он, как болван,
Носил ей какие-то книги —

Пудами.

Конечно, прекрасные миги

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.